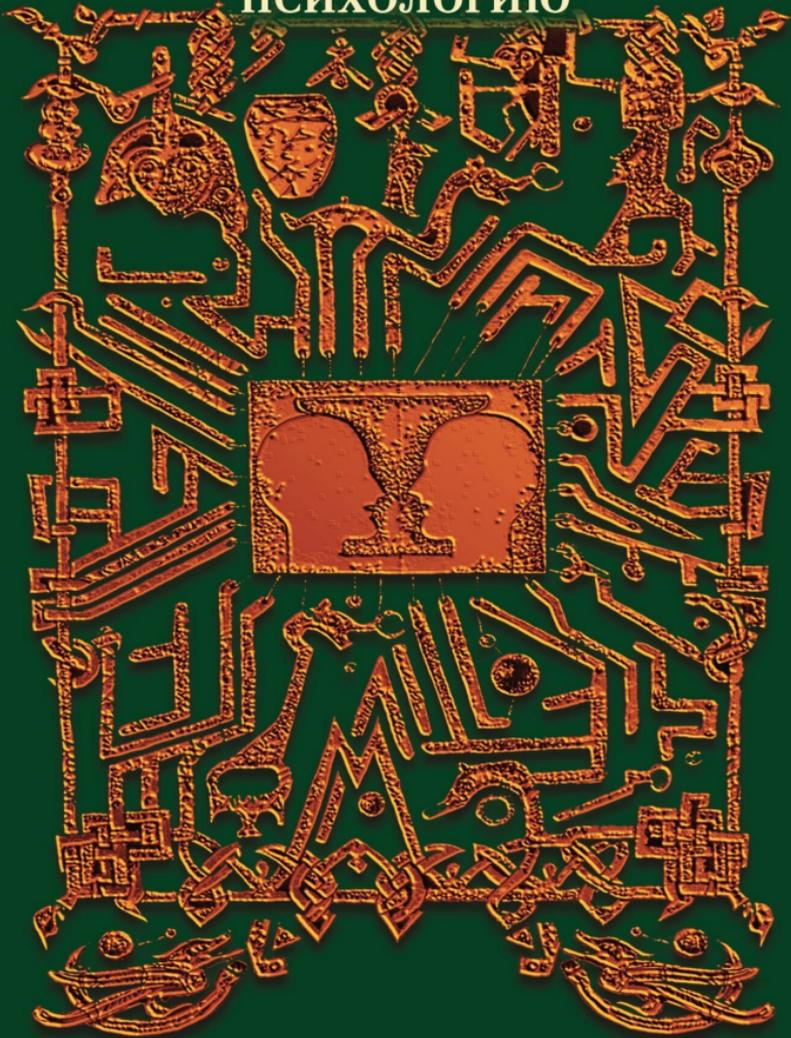

А. Шевцов

ВВЕДЕНИЕ В ПРИКЛАДНУЮ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКУЮ
ПСИХОЛОГИЮ

Александр Александрович Шевцов
Введение в прикладную
культурно-историческую
психологию

Серия «Культурно-историческая
психология», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64825977

Введение в прикладную культурно-историческую психологию:

ISBN 978-5-89798-055-0

Аннотация

А.А. Шевцов, ректор Академии самопознания, последовательно ведет постановку психологии как прикладной науки, обеспечивающей возможности для самопознания.

Данная книга посвящена теории Прикладной КИ-психологии, которая необходима для перехода к прикладной работе.

«Теория – это созерцание действительного предмета своего исследования, то есть предмета, который есть в действительности. И созерцание пути или способа, которым ты этот предмет исследуешь. Если предмет твоей науки душа, то созерцать нужно ее...»

Для психологов, философов и всех, кто хочет познать себя.

Содержание

Введение	5
Часть первая	9
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	42
Глава 7	51
Глава 8	55
Заключение начал	63
Часть вторая	65
Глава 1	68
Глава 2	76
Глава 3	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Александр
Александрович Шевцов
Введение в прикладную
культурно-историческую
психологию**

© Издательство «Тропа Троянова», 2007

© А.А. Шевцов, 2007

Введение

Книгу, посвященную прикладной психологии, стоило бы начать с предшественников. К сожалению, история культурно-исторической психологии, насчитывающая более века, совсем не богата такими предшественниками, которые бы стоили упоминания. Хуже того, во время написания «Общей культурно-исторической психологии» я пришел к убеждению, что прикладной КИ-психологии не существовало совсем!

Это вполне очевидно, если рассматривать, например, Психологию народов Вильгельма Вундта. Она считается одним из важнейших исторических корней современной КИ-психологии. Вундт был кабинетным этнографом, как это называется. Иными словами, используя материалы иных культур, сам он из кабинета не выходил и лишь рассуждал о возможности каких-то культурно-исторических исследований.

Но когда речь заходит о советском культурно-историческом подходе школы Выготского или о культурной психологии Коула, такое заявление звучит странно. Ведь они ездили по миру, вели полевые исследования, ставили эксперименты! Однако исследования их не были психологическими, вот в чем беда!

Мало того, что Вундт, Выготский и Коул отказали душе в праве на существование, а значит, считали предметом своих

наук не душу, но они еще и заимствовали свои исследовательские методы у другой науки. У какой? Строго в соответствии с тем отказом от души: сказав А, они вынуждены были двигаться к Б, то есть к чему-то, что естественно вытекает из подобной смены предмета. Если предмет твоей науки не душа, то и методы будут не методами изучения души. А что стало их предметом?

Человек. Человек как таковой, но в той части, что не охватили анатомия, физиология и обществоведение или социология. Когда-то эту составляющую человека изучала психология, но с изгнанием души вотчина эта отошла антропологии, то есть науке о человеке. Вот этой наукой и занимались все культурно-исторические психологи двадцатого века.

А экспедиции их, исследования и эксперименты были, как это называют американцы, кросс-культурными. То есть, в сущности, кросс-культурной антропологией.

Но антропология исходно – это описательная наука, созданная в Америке как американский ответ Европе с ее этнографией и этнологией. Соответственно, исследования антрополога – это исследования этнографа, имеющие целью рассказать о той или иной культуре. Но отнюдь не исследования психолога, пытающегося понять душу.

Поэтому все антропологи от психологии были заняты одной простой задачей: изучением культурных отличий различных народов. И совсем не странно то, что велись такие исследования только двумя сверхдержавами – Советским

Союзом и Соединенными Штатами Америки. И тот и другие на государственном уровне были заинтересованы в изучении тех народов, которых покоряли политически или экономически.

В силу этого так называемые культурно-исторические, – а по существу, кросс-культурные или культурно-антропологические исследования, – всегда сводились к тому, чтобы понять поведение тех, кем государства хотят управлять.

Поэтому культурно-исторические психологии двадцатого века были науками о поведении и имели именно поведение своим предметом. Советский культурно-исторический подход вырастает из реактологии, и Выготский, пытаясь осмыслить предмет своей науки, склоняется к тому, что единицей психического является реакция. А американская кросс-культурная и культурно-историческая психология имеют своим основанием бихевиоризм, который, как вы помните, считал одним из своих корней рефлексологию Ивана Павлова...

Все рефлектологии – это не психологии, причем не психологии исходно и навсегда, просто потому, что ставят своей задачей объяснить поведение человеко-машины, исходя из устройства его тела, то есть без гипотезы души!

Обидно.

Но, к счастью, у самых истоков нашей науки, еще до Вундта, стоял человек, который говорил именно о душе и который сумел заложить теоретические начала и для приклад-

ной психологии. Это был Константин Дмитриевич Кавелин. Я посвящу ему изрядную часть этой книги.

А кроме него был наш народ, который наукой не владел, но имел свою «психологию», которую знал, видел и прекрасно понимал. А иногда и изучал, и как поведение собратьев и как душу, о которой много думал.

Лично мне довелось с 1985 по 1991 год вести этнографические сборы у русских мазыков – так называли себя потомки коробейников-офеней, жившие на землях Савинского и Ковровского районов бывшей Владимирской губернии. Я уже много о них рассказывал и потому в этой книге буду прямо опираться на какие-то мазыкские знания народной психологии.

Но сначала несколько самых общих понятий, составляющих основание нашей науки.

Часть первая

Начала

Прикладная наука предъявляет совсем иные требования к своим началам, чем науки академические. В сущности, в основе любой науки должно лежать созерцание или теория, как это предпочитают произносить наши ученые на иностранный лад. Но созерцание – это не действие, точнее, это может быть действие, но если ты сохраняешь связь с действительностью, это должно быть действие, переходящее на предмет. Иначе говоря, созерцание – это всегда созерцание, видение и рассматривание чего-то. А именно того, что ты избрал предметом своего исследования.

Прикладные науки не могут терять этой связи, потому что иначе они тут же теряют то, к чему приложимы. Науки академические наоборот – часто позволяют себе теоретизировать беспредметно, создавая искусственные миры, в которых их построения могли бы работать. Математика показывает возможность таких игр, создавая пространства, которых нет, но если бы они были, то там были бы другие законы, вроде геометрий Лобачевского и Римана.

Игрушка эта оказалась настолько потрясающей воображение, что ее решили повторить многие другие науки, стремящиеся быть поближе к трону царицы наук, в частности, ака-

демическая психология. Выкинув свой предмет, психологи полтора-два года пытаются доказать, что могут построить науку то на одних основаниях, то на других. В итоге в мире существует необозримое множество разных психологий, но нет книги, которую можно было бы уверенно посоветовать простому человеку, который хочет помощи в своих обычных делах.

Все эти психологии не имеют отношения к жизни и существуют лишь как кормушки для поддерживающих их существование сообществ. Ответов на человеческие вопросы психологии не дают.

Эта беда давно замечена и повела к тому, что с начала двадцатого века в мире создаются так называемые «практические психологии» – науки, использующие кое-какую психологическую терминологию, но в целом выстроенные на опытных находках. Академическая наука весьма неохотно считает их вправе называться науками, и во многом это оправданно. Почувствовав недомогание, я могу выпить таблетку, которую найду в холодильнике или куплю в аптеке, попросив «чего-нибудь от головы». И почувствую облегчение.

Обретя такой опыт я теперь буду всем советовать при недомогании пить такие таблетки... При чем тут наука?

В основе науки, даже практической, должна лежать теория, то есть какое-то глубинное видение и понимание устройства мира. Но практические психологии только тужат-

ся, раздувая вводные части своих учебников до такого размера, чтобы они стали похожи на теорию. А потом быстро сбегают к тому, что им действительно нравится и что у них получается. Связи у их теории с тем, что они действительно нашли, почти нет. Почему?

Во-первых, все потому же, что теория – это не несколько глав или книг, написанных подобно «настоящим» теоретическим сочинениям. Теория – это вообще не вводная часть науки. Теория – это созерцание, созерцание того, что ты делаешь и как ты это делаешь. Практики же вместо созерцания пишут главы, похожие на «теорию» из книг по академической психологии.

Это означает, что созерцают они при этом лишь то, как пристроиться под крылышко академической науки, и поэтому теория практической психологии совсем не теория.

Но еще хуже то, что теория, которой они подражают, чаще всего тоже не теория. А если и теория, то научного сообщества, но не науки как поиска истины. Вот это беда!

Академическая психология, лишив себя души, до сих пор не определилась с предметом, который изучает и созерцает. Точнее, без единого предмета предметов этих стало множество, к тому же они постоянно меняются. Как писала о психологии Британская энциклопедия: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения».

Откуда все эти сложности?

Теория – это созерцание действительного предмета своего исследования, то есть предмета, который есть в действительности. И созерцание пути или способа, которым ты этот предмет исследуешь.

Если предмет твоей науки душа, то созерцать нужно ее. И для этого надо просто обратить взор на душу. Не получается...

Почему? Слишком сложно удерживать взор на том, что так привычно и к тому же невидимо, как воздух. Просто попробуйте созерцать воздух. Это быстро надоедает, и хочется бежать за более яркими созданиями, которые в нем порхают, летают и падают...

Мы не готовы к такому подвигу, как психология. Наши академические ученые, избравшие предметом своих исследований душу, – совсем юные детишки, которым, как писал в середине девятнадцатого века Василий Николаевич Карпов, еще охота бегать за бабочками по полям. Они уже убелены сединами, увешаны академическими званиями и регалиями, но это лишь в этой жизни. В действительности они слишком юны, чтобы удерживать внимание на том, что так неприметно. Вероятней всего, это чуть ли не первая жизнь, когда они задумались о душе.

Задумались и тут же утомились от усилия, расстроились оттого, что победа не дается сразу, надули губы и сказали:

и вообще никакой души нет! Вот и вся психология!

Искусство созерцания, очевидно, не дается с лету, к нему надо идти, приучая себя, возможно, не одну жизнь. И освоить его так же сложно, как другие душевные качества – терпение, душевность, спокойствие, верность себе, любовь...

Созерцать душу прямо – очень трудно для человека, обращенного в мир тел. Ее там нет, она созерцается взором, обращенным в себя. Но обратить взор не менее трудно, потому что ток жизни, охота, которая влечет нас сюда, захватывает наше внимание и привязывает его к тому, что снаружи. Ведь мы затем и приходим на землю, чтобы познать эту жизнь и отдаться ей. Такое направление естественно для воплощенного существа. И насильно свой взор можно обращать на такие нездешние вещи, как душа, только на краткие мгновения в минуты редких душевных состояний и большой силы.

Именно в такие минуты молодой человек решает, что станет психологом. К сожалению, второе прозрение посещает некоторых из них лишь при смерти...

Тем не менее, решение познать душу является первым началом психологии.

Понимание, что познать ее можно напрямую, прямым созерцанием, будет следующим началом, из которого вытекает вопрос: почему же это не получается?

Ответ на него будет третьим началом. Ответ-решение:

жизнь и моя яростная природа, рвущаяся в жизнь, не позволяют мне созерцать, они манят и отвлекают меня, не давая обернуть взгляд внутрь и привязывая его к внешним вещам и явлениям. И я увлекаюсь ими.

Увлекаюсь всей душой, даже забывая про душу! Это ужасно, но это прекрасно. Яростный человек может жить в прекрасном и яростном мире, только проливаясь в него всей душой. А это значит, что все, что я делаю, так или иначе содержит в себе мою душу. И если я делаю какие-то внешние вещи, то они, безусловно, содержат в себе следы моей души.

Пусть это лишь тени, отбрасываемые на стены пещеры, но по теням я могу судить о том, что их отбрасывает. Это уже важно. Потому что само такое созерцание теней уже дает знание предмета. Но еще важнее то, что, глядя на тень, я всегда знаю, куда повернуться, чтобы увидеть то, что ее отбрасывает. Оно всегда ближе к свету...

Все, что я называю тенями души, есть культура, как это принято именовать. И в ней тоже скрыт предмет психологии, как вы это понимаете.

А то, как от игры с внешними вещами перейти к созерцанию теней, от них – к пониманию того, что отбрасывает тени, а затем набраться смелости, повернуться и прямо поглядеть на душу и самого себя, это – созерцание пути, которым наука душеведения может прийти к своему предмету. Путь, он же способ, научно называется методом.

В сущности, метод психологии оказывается методом са-

мопознания. Хотя он вполне применим и для оказания помощи другим, потому что мы все устроены одинаково.

Вот исходные начала прикладной психологии.

Теперь подробнее обо всех входящих в это понятие частях.

Глава 1

Психология

Нельзя ни писать книгу по психологии, ни заниматься ею, не определив, что же ты понимаешь под этим словом. Существует научное и бытовое понятие психологии. Где взять научное, я не знаю.

Научные братья большей частью обходятся без подобного определения, ссылаясь на то, что определение это слишком трудно. Просто пишут себе в рамках некоего понимания, так сказать, имеющегося у них по умолчанию. Лишь редкие психологи рискуют рассуждать о предмете своей науки, но при этом общего понимания так и не выработано. Как я показал это во Введении, научное понимание психологами психологии множественно и всегда спорно.

Хуже того, предмет этот болезнен для психолога, почему они и избегают самого первого вопроса своей науки. Думаю, болезненность эта существует с тех времен, когда, по выражению русского историка Ключевского, психология стала наукой о душе без души. Именно с тех пор психологам постоянно приходится придумывать себе предмет, который бы выглядел «научным» в глазах естественнонаучного сообщества и при этом был бы в состоянии заткнуть все любопытные рты, из которых рвутся наивные вопросы.

Я имею в виду непсихологов, которые не понимают науч-

ной психологии, не понимают, о чем она говорит, и не понимают, зачем она нужна. Но пытаются понять, выискивая в этой науке то, что они от нее ожидают. А что ожидает обычный человек от науки психологии?

Если заглянуть в себя в поисках ответа на этот вопрос, то обнаружится совершенно ненаучное, но зато вполне определенное понятие о психологии, которое, оказывается, живет в нас. Как это ни удивительно, но это же ненаучное понятие имеется и у всех профессиональных психологов. Именно оно подтолкнуло их когда-то поступить учиться на психолога, именно его они ожидали найти в научной психологии, а потом как-то незаметно предали...

Понятие это скрывается за выражением: он психолог! Что мы думаем о человеке, про которого говорят, что он прекрасный психолог, утонченно знающий психологию людей? Особенно когда имеется в виду, что у этого психолога нет психологического образования.

Ну, уж определенно мы ожидаем от него не владения теорией высшей нервной деятельности и даже не теорией деятельности, как основой психического.

Психолог – это человек, который понимает людей, понимает причины их поступков, знает, как оказать на них воздействие, и в силу этого может управлять их поведением. И управляет людьми так, что вокруг него разливается спокойствие, люди собираются и могут делать то, о чем договори-

лись. Психолог может использовать эту способность как во зло, так и на благо. Но определенно то, что всё, задуманное им, получается, потому что он видит возможные помехи и устраняет их. А иногда он способен на чудеса, вроде чтения мыслей и тому подобного!.. И вообще, он может раскрывать сверхспособности.

Вот за какой психологией мы шли в университеты и вот чего искали от нее. И не нашли, предав себя и приняв, что пока придется жевать какую-то бесконечную биофизиологическую жвачку, чтобы поддержать существующий порядок. И ведь предали! Почему? Потому что звание научного психолога давало взамен того, о чем мечтали, определенное место в обществе. Место сильное, потому что сама приставка «научный» в современном мире ценится. Вот за эту цену мы и продались...

Я не хочу больше заниматься научной психологией. Я отдал ей годы, и с меня достаточно. С долгами покончено. Теперь я хочу вспомнить свою мечту о ТОЙ психологии, ради которой шел когда-то учиться, и попытаюсь описать ее предмет.

Итак, что такое психология, как ее понимают до науки? Психология моей мечты!

Если всмотреться в описание, которое я сделал чуть выше, то снаружи это наука о поведении. Ведь человек-психолог, умеющий убирать сложности и помехи во взаимоотно-

шениях людей, это, безусловно, человек, управляющий поведением, меняющий его.

Научная психология несколько раз заявляла своим предметом поведение.

Это было в конце девятнадцатого – начале двадцатого века, когда рождались русская наука о поведении и американский бихевиоризм. Но они тут же свели поведение к рефлексам и реакциям, поскольку исходили из предположения, что человек – это биологическая машина, которая может быть описана на языке физики, точнее, механики. Обе эти попытки оказались крайне неудачными и были со временем утеряны и самой научной психологией.

Очевидно, что поведение не может быть описано знаменитой формулой поведенческой психологии: стимул-реакция. Как не может быть сведено и к раздражительности простейших, откуда и был заимствован этот первокирпичик возможной науки о поведении протоплазмы. Человек, конечно, отвечает своим поведением на раздражения, идущие из окружающей среды.

Но отвечает совсем не как инфузория, просто отодвигающаяся в сторону.

Именно на том, что поведение людей гораздо сложнее, чем можно описать через стимул-реакции, и ломались научные теории поведения. Как вы понимаете, означает это, что они не были теориями, не были созерцаниями поведения, а были насилием, были попыткой придумать схему, в которую

с каким-то усилием можно всунуть действительность. Схемы ломались, как картонные коробки, которые не вмещают живого тигра...

При этом нельзя не отметить, что некое соответствие действительности в том, что человек, как и любое другое живое существо, взаимодействует с окружающей средой, конечно же, есть. При очень высоком уровне обобщения можно сказать, что понятие «стимул-реакция» вполне пригодно для описания человеческого поведения. Но именно как обобщение, метафора, то есть некий знак, который надо уточнять и разворачивать. Народ знал другой знак для обозначения того же самого: бьют – беги, дают – бери.

Это народная мудрость. И если уж мы хотели создавать науку, существующую на таком уровне обобщений, нам все не обязательно было ехать за ней за три моря или в Европу. Брели бы свое и делали по-русски! И было бы то же самое. Но не научно выглядело бы! Поэтому исходные понятия – верны они или нет – нашим ученым необходимо заимствовать от иностранцев и на иностранных языках! Тогда они будут работать.

Почему «бьют – беги, дают – бери» не работает научно, а «стимул-реакция» целых полвека загаживала наши и научные мозги? Только потому, что в русской поговорке с очевидностью видно, что эта «формула» неточна и недостаточна. А вот за иностранным выражением это рассмотреть сложнее, и потому оно позволит дольше водить за нос тех,

кого мы обманываем.

Иными словами, «психологические термины» научной психологии действительно гораздо «психологичней» простых русских поговорок, не говоря уж о словах, – они позволяют управлять людьми, позволяют воздействовать на умы простых людей и жить за их счет. Это магический язык, язык силы, в силу чего он не случаен. Более всего он близок к языку алхимии, которая, если вспомнить, лишь косвенно имела отношение к химии, а в действительности была поиском скрытых сил и способностей, в сущности, самопознанием. Вот и научная психология лишь по видимости занимается психологией, а в действительности есть наука выживания малого сообщества в современном обществе...

Психология мечты определенно должна быть наукой о поведении. Она, безусловно, должна позволять человеку менять мир вокруг себя, меняя отношения людей, создавая настроение, убирая помехи для решения самых сложных задач. Но как это возможно?

Как отвечается из глубины моего понятия о психологии моей мечты – за счет глубокого понимания устройства человека. Звучит-то: психологии человека, – но я меняю ее на устройство, чтобы не было путаницы. Как вы видите сами, тут иностранное слово «психология» играет с нами первую злую шутку: оно обозначает два разных понятия.

Психология – это наука о психологии. Настоящий психо-

лог – этот тот, кто знает науку о психологии, или тот, кто разбирается в психологии людей?

Надо раскрывать оба понятия. Первое, которое мы обозначаем словами «настоящий психолог», обозначает человека, понимающего других и способного оказывать воздействие на их поведение, управлять ими. Мы могли бы обозначить его русским словом мудрец. Но лучше, как это делали мазыки, у которых я учился народной психологии, назвать такого человека докой. Докой звались знающие люди, хитрецы и умельцы. Вот пусть психолог моей мечты, то есть человек, владеющий бытовой, народной психологией, зовется нами докой.

Итак, вопрос: дока – этот тот, кто знает науку о психологии, или тот, кто разбирается в психологии людей?

Явно обозначилось противоречие в использовании понятия «психология». Научное сообщество избрало считать психологией науку и завязло в наукотворчестве, так и не дойдя до того, чему эта наука должна учить.

Для психологии моей мечты дока – этот тот, кто не знает, а может.

А точнее, кто знает, как сделать, и может сделать. Кстати, именно это и означало русское слово дока. Дока – это не кабинетный ученый, не теоретик.

Дока, говоря научно, – практик, обладающий утонченными знаниями того дела, за которое берется. А дело это – поведение человека, как мы решили.

Что же знает дока об этом? Знает ли он психологию людей? Если исходить из моего понятия о психологии, то именно в ней он и разбирается. Но что означает это понятие, скрытое под тем же именем психологии? Ну, определенно не то, что описала вся научная психология.

Когда народ говорит, что кто-то разбирается в психологии людей, он имеет в виду, что человек этот знает, что определяет в человеке его поведение, и умеет обратиться именно к этому. Он как-то видит некое ядро или корень поведения и воздействует на него. Если вы взгляните, то почувствуете, что я описываю не некую «психологию», а самого человека. Вот почему я сказал, что дока знает устройство человека.

Устройство это, можно сказать, тонкое, определенно не телесное. Или не только телесное. Телесность должна учитываться, но то, что правит, а главное – принимает решения, лежит за телесностью. Но внутри меня. Оно может быть названо содержанием. И чтобы я или другой рассмотрел его, надо предложить заглянуть в себя.

Как вы видите, понятие «психология» растворяется и исчезает, если мы начинаем думать о поведении лишь в рамках возможности воздействовать на него. Именно поэтому наука о поведении и была отвергнута научной психологией, как путь, не ведущий к действительному ее предмету. К какому предмету и каким путем надо идти, академическая психология пока еще не решила.

Но если мы посмотрим в описание «психологии» как

устройства человека, то снова налетим на то, что телесность и многое, вплоть до самого поведения, окажутся внешними проявлениями чего-то, на что и воздействует дока. Это ядро, определяющее поведение, и необходимо научиться видеть, чтобы стать психологом.

И я могу высказать предположение заранее: ядром этим окажется душа. Почему и не удастся науке, сохранившей понятие о душе в своем названии, успокоиться ни на одной из своих естественнонаучных находок. Все-таки психолог – этот тот, кто изучает и знает душу. Именно это знание и позволяет ему стать докой и управлять поведением людей, делая жизнь лучше.

Глава 2

Прикладная психология

Прикладная психология – это мечта. Прикладной психологии не существует. Практические психологии, как они сами себя называют, не признаются академической психологией, да и на деле психологией в научном смысле не являются. Хотя при этом и работают. Но это действительно не науки, а собрания способов воздействия, случайно найденных опытным путем.

Именно это и лишает их права считаться научными: их приемы найдены или подмечены случайно, а не выведены из основополагающей теории. При этом приемы могут быть действенны, но...не научны! По крайней мере, так считают те, кто имеет право говорить от имени науки.

Впрочем, требование, чтобы приемы вытекали не из опыта, а из теории, не случайно и вполне оправданно. Настоящая наука должна выводить свою прикладную часть из той фундаментальной теории, в которой она созерцает основания своего предмета. Выводить путем точного и строгого рассуждения, и вовсе не затем, чтобы извлекать выгоды или лечить людей. Это побочно и попутно. Настоящая задача прикладной части науки – быть подтверждением того, что теория верна.

Психология не имеет прикладной части, и это признак

того, что фундаментальная теория научной психологии либо не соответствует действительности, либо еще очень далека от проверок действием. Что значит, в ней пропущены какие-то важнейшие слои, лежащие между началами и действительной частью. Самое большее, что может естественнонаучная психология, это наработать условные рефлексы, к примеру, у людей, посаженных в одиночные камеры и замороженных голодом. Впрочем, самые необразованные надзиратели запросто вызывают у них слюноотделение, постукивая ключами по дверям...

Прикладная психология – это мечта любого настоящего психолога. Он затем и шел в психологию, чтобы однажды стать тем чудесником, о котором люди с восхищением говорят: он настоящий психолог! Это значит, что прикладная психология – это единственная настоящая психология. Все остальные теоретические ее части – это лишь приложения, которые нужны, чтобы научиться прикладной работе. В сущности, они – лишь подготовка к тому, чтобы творить чудеса.

Но в них скрыто то, что объясняет и учит искусству психологической работы. Самое малое, в теоретической части должно быть описание того, что есть человек, как он устроен и что может быть в нем предметом воздействия. Это если мы хотим воздействовать на других.

И тут есть искушение пойти путем практической психологии – стать внимательным наблюдателем и попытаться со-

брать как можно больше утонченных наблюдений за тем, что повторяется в поведении человека и что вызывает повторяющиеся ответы и отклики у других людей. Собрать, обобщить, а потом использовать для воздействия.

Но можно пойти и строгим академическим путем: описать устройство человека, на основании этого описания сделать предположения о том, как это устройство должно отзываться на различные воздействия, и проверить это в опытах. Соответственно, отбрасывая то, что неверно, и уточняя то, что работает.

Надо только понять две вещи: как устроен человек и что ожидается от психолога, что люди от него хотят. Иначе говоря, определить пространство, в котором действует именно психолог, ведь воздействовать на человека можно самыми разными способами, от экономического принуждения до насилия.

Психолог – этот тот, кто хорошо знает «психологию», то есть внутренний мир человека, через который и воздействует. Если говорить строго, то пространством применения психологических знаний является душа и то в человеке, что позволяет на нее воздействовать, меняя поведение. Но что это?

Глава 3

Строй или устройство человека

Настоящий психолог должен очень хорошо видеть то ядро, ту сердцевину, которая управляет поведением человека. Это понятно. Непонятно, почему мы его не видим. И не видим ли?

В действительности, мы все видим и очень хорошо знаем, как сделать другому больно. Вот уж чего-чего, а бить по самым болезненным точкам мы умеем. И это – управление. Тонкое и очень точное управление, мгновенно заставляющее человека сменить поведение.

Значит, мы все прекрасные психологи и владеем наукой управления поведением. Почему же мы не довольствуемся этим и хотим учиться психологии?

Что имеем – не храним, потерявши – плачем... Иначе говоря, народная мудрость утверждает, что мы не умеем ценить то, что имеем. Это слишком обычно и привычно, значит, не волшебство. А нам хочется раскрыть в себе особые способности и стать волшебниками и чародеями...

Однако детские мечты пока не важны, как не важна и наша охота за какой-то особенной психологией, например, научной. Она всего лишь показатель нашего недовольства собой, то есть тем, что есть. Мы, со всей очевидностью, не считаем свои способности к управлению поведением достаточ-

ными, почему и ищем дополнительных знаний.

Но достаточными для чего? Ведь мы же управляем друг другом каждый день и каждую минуту, применяя богатейший арсенал приемов и орудий. Чем мы не довольны?

Похоже, тем, что наша естественная способность управлять не приводит к счастью. Настоящий психолог, как чародей, должен одним мановением руки или волшебной палочки создавать вокруг себя мир своей мечты, где все будет так, как он хочет. В общем, счастье или рай на земле. А рай на земле – это земное воплощение Небес, то есть места, где живут души... Вот почему так хочется быть настоящим психологом!

Психолог – это не просто умелец, способный управлять поведением, это волшебник, дока, создающий условия для душевной жизни. А что мы?

А мы, конечно, умеем управлять друг другом, но так, что творится только ад. И никак не вспомним, как возвращать рай. Мы утратили его и всё не можем нащупать забытую дорожку домой...

Что же получается?

А то, что мы прекрасно знаем, как осечь кого-то, особенно близкого, как заставить его закрыться и не высовываться, но не очень умеем помочь ему творить, раскрываться, воспарять... И мы ужасно не любим себя за то, что гасим порывы своих близких.

Поэтому мы, по крайней мере, стараемся не бить зря. Кто-

то потому, что не хочет расходовать зря сильнодействующее средство. Кто-то потому, что ненавидит себя за эту способность и не хочет мешать другому. А большинство просто потому, что причинять боль другим опасно, они же ответят тем же!

Следовательно, мы знаем, как управлять с помощью боли, но скрываем это и от других и, частенько, от себя. И так перекрываем одну половину своего психолога.

Другую же мы перекрываем, прячась от чужого управления. Ведь оно, чаще всего, болезненно. Вот мы и учимся закрывать себя, прятать за слоями отвлекающих образов. И делаем это так удачно, что и сами верим, что хорошо спрятались. Страусы...

Мы все – прекрасные психологи, сумевшие потерять веру в себя. Веру эту мы потеряли потому, что, с одной стороны, между людьми существует договор о пощаде: ты не будешь видеть моих уязвимостей, а я не буду видеть твоих. А с другой, потому что наши попытки отказаться от этого договора прекрасно творят нам наш личный ад, но очень редко ведут к действительному улучшению жизни. Поэтому люди живут по договору: не умеешь – не суйся. Только всё испортишь.

И при этом постоянно надеются, что однажды придет спаситель – волшебник или наука, например, – и всё изменит...

Наука, научная психология пользуется верой людей, но ничего не может. Сами мы запутались так, что живем в отчаянии. Волшебников нет...

Что же делать?

Похоже, надо либо сдаться, либо попробовать думать. Думать просто, не выходя за рамки того, что есть мы и наша жизнь. Просто наблюдая за тем, как связаны наше внутреннее устройство и внешнее поведение.

Но идти придется последовательно, слой за слоем. Сначала то, что снаружи, что может быть названо внешним устройством. Потом устройство внутреннее. И лишь затем – душа.

Глава 4

Внешнее устройство человека

Что представляет собой внешний человек, если даже не пытаться вглядываться в то, что мы зовем психологией? Конечно, тело с его потребностями. Он хочет есть, ему то холодно, то жарко, он размножается, испражняется, он любопытен и боится боли и смерти. Наверное, я пропустил что-то еще, но уже из перечисленного видно, что на человека вполне можно воздействовать через его тело. И даже есть подозрение, что этого одного будет достаточно для управления им.

Собственно говоря, так называемые тоталитарные государства, вроде бывшего Советского Союза, использовали именно это управление. Они доводили людей до полунищенского, пролетарского состояния, загоняли изрядную часть народа в лагеря и тюрьмы, ставили перед угрозой насилия, и люди делали то, что от них требовалось, лишь бы выжить...

Лишь бы выжить. Это выбор, и это очень важная подсказка. Ведь когда глядишь на этот список телесных потребностей, кажется, что за ними совсем нет души. И что человека действительно вполне можно загнать в скотское состояние биомашины. Однако, у нас всегда есть выбор не жить такой жизнью, и его не может совершить тело!

Тело не может не только отказаться от жизни, оно даже

не может иметь этого выбора. Это выбор душевный. А душа всегда присутствует во всём, что мы видим как телесные потребности. Но это присутствие еще надо рассмотреть. Поэтому пока приму, что чисто телесные потребности существуют и должны быть описаны. Они совсем не такие, как у животных, поскольку присутствие души, условно говоря, искажает их. Но они есть, и не будь души, они бы правили нами. Их надо видеть и отчетливо различать как слой в устройстве человека.

Однако это не единственный слой, который мы бы назвали «внешним человеком». Мы очень про многих людей можем сказать, что они живут скотской жизнью, то есть жизнью тела. Но при этом мы как бы не видим одно важнейшее различие – они пьют либо принимают наркотики. Скоты так не делают.

И если по вину еще не так явно, что это духовная потребность, то с наркотиками совершенно очевидно, что человек с их помощью сбегает из этого мира в миры образов, куда не пройти телесно. А значит, это полет души. Тело при этом, определенно, истощается и отмирает. Кстати, как и при компьютерной игромании, в которую сбегают подростки.

Скотская жизнь алкаша или наркомана отнюдь не такая простая вещь, как это кажется естественникам. И лечить её надо не химически. К химии она имеет отношение только кажущееся. Ход мысли естественников прост: раз эти состояния вызываются приемом химических веществ, вроде ядов,

то надо найти подобное противовещество, противоядие, и так потребность будет нейтрализована...

Первая ошибка в самом исходном утверждении, что вино или наркотик – это химическое вещество. Наука химия взяла да приписала себе все вещества. Так что сказать, что какое-то вещество химическое, теперь значит не сказать ничего. Но возьмите просто землю у себя из-под ног. Химическое ли это вещество?

Конечно, химик может забубнить о том, что она состоит из химических элементов и её бы надо исследовать... Однако наш язык, говоря «земля», не осознает её химическим веществом. Он ощущает её чем-то выше химии. Вот так и вино с наркотиками. Это, конечно, вещества, но исследовать их можно химически, а можно и иначе. Например, на предмет того, чем же они оказывают воздействие на наше сознание, а может быть, и души.

И если последнее допущение верно, если наркотики способны оказывать воздействие на души хоть каким-то образом, то ясно, что они это делают совсем не химической составляющей. Просто по исходному определению, что химия, как наука естественная, духовного не понимает.

Эти сложные вещества содержат в себе дух, – спиритус или какой-то еще, – он и воздействует. Как его исследовать, наука не знает, а знают только алкаши и наркоманы. Но кто же их спрашивал!

Между тем, лечение от наркомании показывает, что

успешным оно бывает только тогда, когда человек делает выбор – опять выбор! Когда он избирает перетерпеть ломку. И это выбор души. Как и последующая тяга вернуться – соблазн души...

Похоже, это «скотское состояние» – одно из самых духовных, доступных человечеству. Не зря же всё человечество к нему привержено.

Кстати сказать, люди занимающиеся самопознанием теряют потребность в курении и выпивке. Об этом я бы мог рассказать подробнее, поэтому не буду втискивать свои наблюдения и размышления в эту короткую главу, но очевидно, что очищение сознания убирает то, от чего бегут в грезы, и приближает души к тем состояниям, в которые бегут. Могу только добавить, что при действительной работе над собой не только пропадают тяга, но перестает ощущаться и воздействие. Привычные ранее средства просто не могут больше никуда тебя перевести. Ты уже там.

Но есть еще один вид или слой внешней жизни – это то, как живет обыватель. В сущности, это человек обычая, человек, который живет «как все». Иногда о таких говорят, что они живут растительной жизнью, «без духовных запросов». Действительно ли выбор жить так, как все, не имеет отношения к душе?

Что значит, как все? Это значит по образцам. Старшее поколение живет так, как ему велят сериалы – не отрываясь от телевизора. Точнее, между тремя ящиками: телевизор –

холодильник – газовая плита. Младшие – по образцам, насаждаемым экономикой – то есть по моде потребительского общества, выкачивая деньги и жизненные соки из своих семей. Средние – в погоне за общественным мнением, которое оценивает их по машинам, связям, занимаемым в обществе местах.

Казалось бы, полная бездумность и бездуховность. Однако если всмотреться, то мы увидим, что человек, пытающийся одеваться по моде или меняющий машину на дорогую иномарку, на самом деле видит тот образ, который его очаровал, и пытается вогнать в него свое тело и свой дом. И это ничем не отличается от наркомании, это все тоже затянувшееся путешествие души по воображаемым мирам, ее сны...

То, что мы считаем настоящим миром, действительностью, этот плотный мир, захваченный злобной богиней по имени Естественная наука, для души – лишь один из её снов. Он – краткий миг, что дано осознать каждому в старости, когда жизнь пролетела, будто бы и не было ничего. А его соблазны – суета и дым... А точнее, игры, которые зачем-то очень важны нашим душам.

Зачем?

Это вопрос, с которого и начинается прикладная психология.

Глава 5

Внутреннее устройство

То, что в человеке есть животная или биологическая составляющая, очевидно. Но я надеюсь, не менее очевидно и то, что в поведение она переходит только по нашему душевному выбору. Человек всегда ведет себя тем или иным образом только потому, что душе это зачем-то нужно. И тут мы попадаем в игры мировоззрений: как стакан по личному выбору можно видеть полуполным или полупустым, так и человека можно рассматривать с точки зрения его биологической составляющей, а можно с точки зрения души.

Это всего лишь выбор – убеждать себя, что раз у человека есть тело, значит, он тело и изучать его надо только по законам тела. Душа тоже учитывает, что человек – тело и вести его можно только по законам, определяющим жизнь тел. Она не может заставить человека летать, как бы ей этого ни хотелось. Она даже может захотеть изучить принадлежащее ей тело – и анатомически, и физиологически. Но если мы хотим понять поведение, то нам надо понять, почему это «тело» ведет себя так, а не иначе. А ведет себя тело-человек совсем не так, как тело-животное.

Именно потому, что есть душа. Но это пока лишь мое утверждение, которое совсем не доказательно для тех, у кого души нет. Поэтому, я заменяю его на приемлемое словосоче-

тание, и оно сразу станет научным. Наука – это в изряднейшей мере игры словами.

Итак, поведение человека определяется чем-то, что скрыто за его телесностью, неким ядром внутренней жизни, которое способно исказить обычные биологические проявления телесного поведения в силу своего устройства. Исказить, менять и создавать таким образом, что иногда полностью отрицает животность, даже жертвуя жизнью тела или лишая его тех благ, которые оно хочет иметь – пищи, ласки, сна...

Нечто, оказывающее воздействие на удовлетворение биологических потребностей человека, искажающее их и тем превращающее в поведение, можно назвать внутренним миром или ядром человека. Академическая наука могла бы назвать его психикой и была бы предельно точна, поскольку простонаучное слово «психика» происходит не от греческого слова психе, то есть душа, а от слова психикос, то есть душевный. Это значит, что в данном случае речь идет не о душе, которая правит поведением, а о каких-то душевных проявлениях, которые и оказывают это искажающее воздействие. Душа лишь за ними, и поэтому мы пока можем оставить ее вне рассмотрения.

Что представляет собой этот внутренний мир или «внутренний человек»?

Попробую пойти от каких-то простых и общедоступных наблюдений. К примеру, нам всем известно выражение: он живет богатой внутренней жизнью. Что оно может означать?

Первое впечатление, что речь идет о человеке, который ходит, нахмутив лоб, не обращая внимания на других, и постоянно погружен мыслью куда-то в себя. Куда? В мысли же. Он постоянно что-то думает, чем ему вовсе не хочется поделиться с другими.

Но это неточное описание, потому что такое состояние лучше было бы назвать самопогруженностью. К тому же она может быть весьма болезненной, а выражение «богатая внутренняя жизнь» ощущается очень здоровым. Человек, который живет такой жизнью, должен быть весьма полноценным. Поэтому, время от времени, мы наблюдаем у него изменения его сосредоточенности. Он может смеяться, радоваться, даже делиться своими открытиями.

Это значит, что человек, живущий богатой внутренней жизнью, не замкнут, не аутичен, как говорит психиатрия, он просто имеет две жизни: одну с нами, другую где-то еще – в мечтах или в воображении. И там ему лучше, чем в этой серой действительности.

Важно в обоих этих случаях то, что погружение в свой внутренний мир меняет поведение человека. Оно начинает в гораздо большей мере зависеть от того, на что обращен его взгляд. И человеку почти безразлично, «действительные» ли это вещи, существа или явления, или воображаемые. Действительность того, что он видит во внутреннем мире, для него такая же правящая, как и действительность мира внешнего. К примеру, если человек начал видеть привидения или

духов, ему безразлично, где он их видит – снаружи или только в воображении – поведение его меняется.

Очень часто человек творческий настолько уходит в свое воображение, что становится рассеянным, что означает рассеянность внимания. Он почти перестает осознавать то, что происходит вокруг него в этом мире, перестает запоминать и учитывать эту действительность. Зато в том мире он может обладать утонченным рассудком и блестящей памятью, как это бывает с большими математиками или музыкантами.

Однако другие люди настолько направлены в эту жизнь, что их не заставить прочесть книгу. Один мой старый приятель похоронил подряд несколько родственников, начиная с мамы. Чувствуя, что это для него потрясение, я прямо на первые похороны принес ему книгу Моуди «Жизнь после смерти». Он продержал ее в ящике служебного стола года полтора, хороня время от времени других людей. И так и не прочитал дальше первой страницы. Не до того...

Думаю, это делает очевидным, что поведением правит именно то внутреннее ядро, которое определяет, куда направить взор. Сами миры безразличны для понимания поведения – внешний или внутренний, – они лишь то, к чему прилагается это тело. И определяют поведение не больше, чем наше животное тело. Иначе говоря, без мира, сквозь который ведет себя человек, понять его поведение так же невозможно, как и без тела, в котором он себя ведет.

Но ведет он себя к той цели, которую хочет достичь душа. Или, по крайней мере, то Нечто, что стоит за мирами, в которых мы живем, будь они внешние или внутренние. Но что это за миры?

Глава 6

Поведение

Поведение оказывается исходным понятием всей психологии. Однако в науке не существует не только единого, но даже и сколько-нибудь внятного определения поведения.

Составители словарей, что поумней, вроде В.А.Бачинина¹, умудряются избежать упоминания о поведении даже в изданиях, гордо именуемых «энциклопедическими словарями» по психологии. Энциклопедия – в переводе с французского и исходно греческого – круг знаний, охватывающий всё, что известно во всех отраслях знания или в отдельной отрасли. Например, в психологии. Если доктор наук, профессор и даже академик в 2005 году не считает поведение частью психологии, достойной упоминания в энциклопедическом словаре, это показатель. Бедная, бедная психология!..

Более старые и, наверное, отсталые словари, все же содержат в себе определения этого понятия. Попытки определений... Вот как вымучивает его словарь Зинченко и Мещерякова²:

«Поведение (англ. Behavior) – извне наблюдаемая двига-

¹ Бачинин В.А. Психология. Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005.

² Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Мещеряков, В. Зинченко, СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

тельная активность живых существ, включающая моменты неподвижности, исполнительное звено высшего уровня взаимодействия целостного организма с окружающей средой.

Поведение представляет собой целенаправленную систему последовательно выполняемых действий...»

Я оборвал Зинченко, дающего это определение, чтобы обратить ваше внимание на то, что поведение как-то соотносится с действиями. Действия не есть поведение. Но тело наше или человек может осуществлять действия, а может вести себя... Это важно.

Словарь «Общая психология» под редакцией А. Петровского устами И. Трофимова дает такое определение:

«Поведение – совокупность направленных действий субъекта, реализуемых им согласно закономерностям внутреннего развития и взаимодействия со средой. Субъектом поведения может выступать как естественное (биологическое, социальное), так и искусственно созданное человеком образование.

Поведение естественных субъектов, в отличие от поведения искусственных, сопровождается необратимыми интегративными внутренними процессами (в психике организма либо в социальной жизни группы, общества)».

Психолог, если вы приглядитесь, не выводит свое определение из наблюдений над действительностью, а навязывает

его по простонаучной привычке. Эта легкая подмена почти незаметна для стороннего человека, а сами члены научного сообщества настолько привыкли к такому подходу, что не в силах обратить на него внимание. Между тем, поведение – это русское слово, которое исконно использовалось для обозначения чего-то, что хорошо нам известно. Действительное определение просто описало бы то, ради чего используется это имя.

Простонаучное «определение» строится иначе, оно всегда скрытно творит особый, «научный» язык, и потому имеет невидимые части. В действительности «определение» Трофимова должно читаться так: Под поведением мы будем понимать...и дальше по тексту. Иными словами, это не определение, а договор об использовании обычного слова в каком-то особом значении.

Но и этот боец психологического фронта не смог избежать соотнесения поведения и действий. Причем использует он это соотнесение так же, как Зинченко, то есть отчетливо показывая: действия – есть основа, из которой творится поведение. Творится целенаправленно, кем-то подбираясь и складываясь в «систему», то есть в некий целостный образ, нужный для достижения какой-то цели.

В оправдание такого невнятного отношения наших психологов к поведению можно было бы привести свидетельство Михаила Ярошевского, написавшего большое исследование о русской науке о поведении. Оправдание это политическое

и унижительное для науки:

«Следует отметить, что в течение ряда лет в нашей психологии на термине “поведение” по существу лежало “табу”. И обращение к нему оценивалось как явная или тайная приращенность к бихевиоризму.

В силу идеологических соображений (кстати, добровольно навязанных нашей психологии считавшими себя правоверными теоретиками марксизма) понятие о поведении было вытеснено “марксоидным” понятием о деятельности. Более того, объявлено, что предметом психологии является психическая деятельность» (Ярошевский, Наука о поведении, с.9).

Эта «добровольность» психологов в прогибании перед властями утомляет, но как психолог я вижу в ней те самые слои внутреннего мира этого сообщества, которые складываются исторически и определяют до сих пор поведение психологов. Психологи все еще не уверены, что изучать поведение правильно и за это поглядят по головке. Все-таки никаких иных, кроме «марксоидных» определений поведения и деятельности, русский психолог не имеет и не помнит. Того, что о деятельности в связи с психологией впервые заговорил еще Кавелин, наверное, никто из академиков и не подозревает...

Как бы там ни было, сам Ярошевский, давая определение поведения в их совместном с Петровским словаре «Психология», дает совершенно «марксоидное» словосочетание:

Поведение – присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью. Термин «поведение» применим как к отдельным особям, индивидам, так и к их совокупности (поведение биологического вида, социальной группы) (Психология. Словарь, 1990).

Да, действительно, мы можем использовать словосочетание «вести себя» или «ведет себя» в отношении чего угодно. Просто потому, что язык позволяет это. Но это опять же договор о «научном» использовании хорошего и точного народного слова.

Что можно сказать о научных определениях поведения? Содержится ли в них какое-то соответствие действительности? Безусловно. Иначе они совсем бы не узнавались. Есть ли в них искажения действительности? Тоже безусловно.

Меня, по большому счету, не интересует, что наука неточна. Мне бы как раз хотелось получать от нее качественные исходные определения, чтобы спокойно идти в собственные исследования, отталкиваясь от них. Я же постоянно ощущаю себя настороженным в отношении ученых, потому что они ведут себя не в соответствии с заявленной целью познавать истину или действительность. Они все время вносят какие-то дополнительные слои в то, что делают. Это их история и культура, но от нее надо очищаться.

Понятием поведения мне придется заниматься еще долго, входя в него все глубже и уточняя шаг за шагом. Но пока можно с определенностью сказать: поведение складывается из действий и какой-то внутренней жизни, которая эти действия складывает в последовательности, воплощая некий образ, задуманный человеком.

Если исходить из этого, мы вполне определенно можем сказать, что действия доступны человеку, как ему дано тело и его биологическая, то есть животная, жизнь. Но человек превращает действия в поведение. Это вполне может означать, что само тело, как животное, не имело бы поведения. Оно бы не вело себя. Вести себя может только человек, хотя это понятие еще придется уточнять и уточнять.

Тем не менее, на первый взгляд выглядит вполне очевидным, что человек как таковой обладает поведением, но как животное он может осуществлять только действия. Действия, ведущие к удовлетворению потребностей.

Но в таком случае это означает, что использование слова поведение к животным, а тем более к неживым или искусственным «образованиям» неверно. Мы, конечно, можем сказать, что «ледник ведет себя непредсказуемо». Но означает это лишь то, что мы боимся этого ледника и приписываем ему человеческое коварство, то есть очеловечиваем. И потому в праве ожидать от него «поведения». Но ледник не ведет себя.

Также не ведут себя и животные. Это лишь наивный на-

учный наблюдатель, глядя на птиц или зверей, незаметно для себя начинает узнавать что-то из своей человеческой истории, из того, что делали люди, и непроизвольно приписывает животным человеческое поведение. Но это не более чем узнавание по случайному сходству. Подобное используют резчики по дереву, когда вглядываются в сучки и переплетения волокон на какой-нибудь коряге, чтобы разглядеть «прячущуюся внутри нее птичку».

Там нет птички, как нет и рыбы. Там есть сучки, волокна, и есть действия, вызванные потребностью удовлетворить потребности. Это все, на что способны тела. Если в них, конечно, не вселится душа.

Вот тогда мы можем говорить и о поведении животного. Но это не повод считать, что животные могут вести себя, это повод раскрыть глаза и всмотреться в то, что происходит: потому что происходит чудо!

Чудо очень важное именно для психолога, потому что душа, ведущая животное, редкое явление. А в силу этого, гораздо более видимое, чем душа в человеке.

Однако понятие действия чрезвычайно важно понять и научиться видеть в чистом виде. Без него почти невозможно увидеть, как добавляются душевные воздействия, рождающие поведение. Как исходное предположение, которое, конечно же, надо проверять и исследовать, я могу сказать, что поведение нужно понимать по прямому значению этого рус-

ского слова. Поведение – ведение себя по.

По образу, который ты задумал или который предложила душа. На выбор.

Но образы могут создавать и животные. Это еще не главное. Главное, что вести себя нужно куда-то, за рамками того, что ты видишь непосредственно глазами. Образы души – это не образы тела. Они лишь учитывают телесные потребности как то, что обязательно отвлечет зверушку, в которую ты вселился, и отвлечет многократно, так что прямой прорыв к твоей цели оказывается невозможен. Тело надо обучить и подготовить для совершения тех действий, которые приведут душу к ее цели. Вот она и ведет человека по жизни, обучая все его тела – и физическое и общественное: тель и личность.

Вести себя – неверное выражение, выражение нерасчлененное. В нем человек един, тела его сливаются. И кажется, что это тело и ведет себя. Но если мы психологи, если мы хотя бы ученые, мы должны вглядываться в происходящее внимательнее. И мы увидим, что человек иногда ведет себя как тело, иногда, как личность, но при этом все время остается как бы за этим.

Человек ведет себя! Какого-то себя, того себя, которым лучше действовать в тех или иных условиях. Он все время выставляет перед собой то, что ведет, и ведет строго по тем правилам поведения, которые подходят к данному миру.

Человек, как оказывается, и есть то внутреннее ядро, че-

рез которое душа задает поведение. Просто нацелив его на то, ради чего пришла.

Глава 7

Миры, сквозь которые мы ведем себя

Вести себя можно только будучи двойным, то есть находясь вне того, что ведешь. Чтобы вести кого-то нужно, условно говоря, взять его за ручку или на поводок. Поведение потому и не привилось в психологии, что естественнонаучная психология исключала всё, помимо тела. Она телесна. А тело не может вести себя, оно может только ходить; чтобы вести себя, нужно кроме тела иметь еще и водящего, например, душу.

Если не привязываться к искусственному образованию, которое навязывает определенное мировоззрение, а просто взглянуть в русский язык, то это очевидно, это вполне можно рассмотреть. Гораздо сложнее рассмотреть как раз тот мир, в котором душа водит нас. Для этого требуется не прозрение, а смена мировоззрения. Кстати, в нашем случае, на мировоззрение психолога, если вдуматься.

Итак, мы ведем себя всегда в отношениях с другими людьми. Без свидетелей, наедине с собой мы перестаем вести себя, мы просто живем. Это еще одна черта поведения, которую обязаны были рассмотреть ученые от психологии. Поведение просто не нужно без людей. Почему?

А потому, что оно рождается исторически. Если бы ученые описывали это явление, а не навязывали удобное им по-

нимание, они бы это рассмотрели. Но им нужно было не понять поведение, а вписать психологию в иерархию наук. Поэтому они полтора века доказывают, что психология – наука биологическая, наука о живых телах. Следовательно, человек – животное, а не дух. Вот это они и доказывали в борьбе с религией.

Но человек не животное, хотя и имеет живое тело. Однако тел у него три – физическое, или тель, общественное, или личность, и духовное, или душа. И он по собственному выбору может переходить в любое из них, иногда покидая тель совсем. Иногда же не покидая, оставаясь сразу во всех трех телах, но избирая только интересы одного тела.

Человек волен в этом выборе, и он волен в выборе поведения. Нет, не в том смысле, чтобы выбирать то или иное поведение, подходящее случаю. Это очевидно, и это не тайна. Тайна, которую просмотрели, – это то, что мы вольны выбирать поведение вообще, выбирать, вести себя или не вести. И возможно это потому, что поведение принадлежит только одному телу. Вести себя мы можем только в личности.

Тель и душа недоступны для поведения. Тель может быть только ведомым, душа только свободной. Но тели не нужно поведение, потому что она, как все животные, просто действует, удовлетворяя свои потребности. А душе не нужно поведение, потому что она выше общества, выше того мира, для которого оно необходимо.

Поведение рождается исторически, то есть в определен-

ном возрасте, и строго в рамках зарождающегося общественного мировоззрения, когда ребенок учится видеть общество как мир, в котором ему придется жить.

Ребенок приходит и видит мир как природу. Это длится довольно долго. И если вы вспомните отношение к детям лет до трех, то не обнаружите в нем ни следа от требований вести себя. Лишь когда ребенок усваивает понятие порядка, ему начинают насаждать правила поведения. От него начинают требовать вести себя в соответствии с договорами. Без понятия договора поведение вообще невозможно.

Именно тогда у ребенка происходит смена мировоззрения. Можно даже сказать, что мировидение меняется на мировоззрение. Эти словосочетания условны, и я искусственно разделяю их значения, чтобы показать разницу в нашем восприятии окружающего и в отношении к нему. До какого-то времени мы просто видим мир, видим единым, а потом вдруг понимаем, что мир двойной или миров два: мир-природа и мир-общество. И второй гораздо опасней и важней для нашего выживания.

Вот тогда мы начинаем выращивать особое тело для выживания во втором мире. Мы создаем личность для жизни в обществе. И так рождается двойственность или двуличность человека... Общественное мнение не любит двуличных людей. Но именно оно и создает эту двуличность, требуя от ребенка вести себя.

Вести себя – значит перестать быть естественным суще-

ством, перестать быть богом в животном теле и стать человеком. То есть стать таким, как все люди. Именно в ответ на требование стать человеком и рождается тело, в котором мы можем выживать в мире людей. Именно оно и ведет себя. То есть дает возможность пройти насквозь этот хищный и жестокий мир человеков, чтобы добраться однажды до того, зачем душа воплощалась в тело.

Мир, в котором мы ведем себя – это общество. Это бесспорно. Но удалось ли нам рассмотреть, что это за мир? И тут нас тоже улучшает очевидность. Нам кажется, что мы знаем, что такое общество. Есть даже науки, изучающие его, например, социология и обществознание. И это верно. Но не для психологов.

Почему-то доверчивые психологи склонны считать, что общество для них – это то же самое, что и для социологов. Это такая же ловушка, как и их доверчивость биологам. Психолог не должен идти одновременно и за биологом, и за социологом, как хороший мальчик. Его просто порвут, если уже не порвали. Психолог даже не должен вести себя правильно. Ведь он уже большой.

Психолог должен понять, что такое поведение и что такое мир, в котором возможно поведение, с точки зрения души. Ведь он психолог.

Глава 8

Настоящий мир психологии

Человек имеет несколько тел и поэтому живет сразу в нескольких мирах. Тель живет в плотном мире, который естественная наука объявила единственным и настоящим. Именно из-за желания стать одной из наук-победительниц в дружине Естествознания Психология и не смогла до сих пор обрести действительную научность. Она попросту ослепила себя. Но естественнонаучная психология ничего не может знать о поведении, потому что в мире тел оно неведомо и невозможно.

Поведение рождается в мире-обществе, где человек присутствует выращенным для этого телом-личностью. Там он и водит свою телушку, так в старину мазыки называли человеческие тела, заставляя ее кланяться, приседать и выказывать знаки уважения «доминирующим особям».

Однако, как и мир тел, мир личностей – ужасно бездушное место. Признаком этого является то, что мы все постоянно требуем душевности. Тело может действовать лишь как животное, личность – как бездушный автомат, и это подталкивает к мысли, что у души есть свой мир. Вполне естественно, что он-то и является настоящим миром психологии, если она избрала своей целью изучение души.

Что это за мир?

Константин Дмитриевич Кавелин называл его психической средой, то есть неким тонким окружением души, сквозь которое она проявляет себя. На поверку его «психическая» или душевная среда оказывалась сознанием, содержащим в себе образы. Даже если осознавать, что действительный мир душ – это Небеса, все же мы должны признать, что души наши вынуждены до смерти жить в этих телах и этих личностях, но от непосредственного взаимодействия и с миром природы и с миром-обществом они закрыты многочисленными защитными слоями. И это слои образов.

Мазыки говорили о том, что Душа испускает из себя ту тонкоматериальную среду, которая и производит образы. Как паук, выпускающий из себя паутинку. Они называли эту среду Парой, приписывая именно ей способность сознать, то есть превращать нечто воспринятое в знания, которые всегда хранятся в образах. Я пока не готов со всей очевидностью показать, что сознание или вещественная его часть – пара – действительно творятся душой. Поэтому оставлю на уровне предположения.

Однако бесспорно и очевидно то, что за поведением всегда стоят образы поведения. Поведение вообще невозможно без образов или образцов, по которым мы и ведем себя. Бесспорно и то, что образы имеют отношение к сознанию. Я писал об этом много в других книгах, поэтому не хочу повторяться и доказывать еще раз, что естественнонаучная пси-

хология вместе со всем естествознанием оказалась в вопросе о сознании излишне идеалистической. Существует слишком много свидетельств о том, что сознание пространственно, способно иметь и хранить содержания, и что оно не является «функцией мозга», а использует мозг для управления телом.

Иначе говоря, мы вообще не думаем мозгом, это ошибка очевидности – связывать сознание и думание с мозгом: если человеку хорошо врезать по голове, то он теряет сознание и перестает думать. Отсюда знаменитая естественнонаучная мечта продлевать жизнь великим представителям научного сообщества, отрезая им головы и подключая их к «системе жизнеобеспечения». Как наивно предполагают ученые, если продлить биологическую жизнь головы, к примеру, профессора Доуэля, то сохранится и личность ученого. Под личностью в данном случае они подразумевали как раз его способность думать, сделавшую его выдающимся исследователем.

Голова эта будет думать отрезанной только в том случае, если душа захочет остаться в таком «теле». Но даже если бы удалось чудо и кто-то «оживил» бы такую голову без души, думать она бы не смогла. А смогла бы только повторять те образцы, что выжили бы в окружающем ее сознании. И повторяла бы их раз за разом, как испорченный патефон, создавая иллюзию жизни...

Мозг хранит в клетках своего вещества некоторое количество памяти. Это явно видно по тому, что при смене деятель-

ности человеком в его мозге образуются новые пучки нейронов, обеспечивающие эту деятельность. Однако если внимательно прочитать отчеты нейропсихологов, замечаешь, что речь идет лишь о запоминании постоянно повторяющихся действий и о сохранении постоянно используемых связей. Мозг – это биоэлектрическая машина высочайшего уровня сложности, обеспечивающая управление телом. Но даже она не в состоянии запомнить и хранить в себе весь объем нашей памяти.

Память хранится вне мозга и вообще вне тела – в сознании, если говорить современно. Или в паре, как говорили раньше. Пара – это тонкоматериальная среда, в сущности, вид тончайшего вещества, творящего и хранящего образы. Образы же – отнюдь не те задуховно-идеальные знаки, как увидел их материализм с подачи классического немецкого идеализма. Образы надо рассматривать не по-немецки, а по-гречески, как Платон.

А Платон, как и вся греческая культура, не мыслил свой идеализм вне телесности. Даже тончайшие отвлеченные понятия были для грека той поры всегда телесны, все они обладали телами. Именно поэтому греческая философия столь мифологична. Это наследие народной культуры. А русская народная культура философична – это родственная черта с греческой культурой, поскольку выходили они обе из единого корня.

Образы, они же идеи или эйдосы, – это тонкоматериаль-

ные вещи или сущности, сотворенные из вещества, которое окружает душу как среда ее обитания. Еще раз повторю: есть подозрение, что душа приносит способность испускать эту среду с собой. Однако это предположение сомнительно, потому что у животных тоже есть души. Народ называл их Животной душой или Живой, как растительную душу называл Жнивой. Испускают ли эти души свое сознание?

Тот же наш народ, судя по этнографическим записям прошлых веков, которые я приводил в предыдущих книгах, считал, что у животных нет души, у них одна пара... Иначе говоря, у них есть та среда, в которой могут твориться образы. И мы определенно можем видеть, что это так, поскольку не раз замечали, как наши собаки, когда мы появляемся неожиданно, настораживаются и какое-то время рассматривают нас, пока не узнают. После чего резко меняются и исполняются радостью.

Чтобы узнать, надо создать образ того, что воспринимаешь, и сличить его с образом из своей памяти. В этой части собаки – очень общественные существа и, можно сказать, ведут себя. Является ли это действительным поведением, или же есть лишь вид действий, я пока определять не взялся бы, для этого нужно особое исследование. Но я подозреваю, что у них тоже есть такая часть сознания, которая соответствует личности и, соответственно, позволяет иметь поведение в прямом и полном значении этого понятия.

Но сейчас мне важно лишь то, что животные определен-

но способны создавать образы и хранить их, значит, у них должна быть соответствующая среда, которую и называли в старину парой. Правда, под парой иногда понимали именно животную душу. Означает ли это, что пара – своеобразное тело, как и наша душа, или же она то, через что всегда проявляются души, почему и кажется душой не слишком искушенному наблюдателю? Я склонен считать, что пару лишь принимают за душу, потому что она всегда ее окружает.

Так же мне кажется, что любая душа испускает пару, то есть вещество сознания, и в силу этого верно и то, что душа приносит с собой свою пару, но при этом у человека сохраняется какой-то объем образов жизнедеятельности и тогда, когда душа покидает тело. Ведь при выходе душой из тела мы все замечаем, что тело остается живым, будто бы спящим. В нем сохраняется то, что биология называет инстинктивным уровнем управления телесными отправлениями. Это же самое до науки называли наличием Живы, живой или животной души, которая делает тело живым, хоть и бесчувственным. Если это так, значит, сохраняется и достаточный объем сознания, в котором хранятся образы жизнеобеспечения.

То, что это именно образы, доказывается тем, что люди при определенном усилии, вроде йогического или аутогенной тренировки, оказываются способными менять работу любых своих органов – сердца, желудка, легких, кишечника... Значит, если иметь точный образ того, что ты хочешь от своего тела, и вложить в него достаточно силы, прежний

образ, созданный Живой, можно заместить на искусственно созданный. Следовательно, инстинкты – тоже образы, лишь хранящиеся в той части сознания, что обычно нам недоступна.

Но эту мало доступную часть сознания, а точнее пары, принадлежащей Живе, или обеспечивающей жизнедеятельность тела душе, я пока трогать не могу. Мне важнее прозвучавшие и выглядящие очень естественно слова о том, что при выходах из тела мы обнаруживаем тело своим живым, сохраняющим телесное жизнеобеспечение, лишь лишенным чувств.

«Чувства» эти, как считала та психология, что еще допускала существование души, принадлежат ей. Что такое те «чувства», которые с древности связывались с душой, надо бы разбирать особо. Однако очевидно, что именно они-то и составляют мир моей души. Чувства, воплощенные в образы.

Но в образы воплощено все – и поведение, и культура, и память, и чувства. Все эти облака, окружающие нашу душу, доступны для ее путешествий и составляют ее миры, как те миры, в которых она путешествует во снах. Уже из этого краткого описания видно, что мир психологии огромен и сложен. И в нем есть устройство – некоторые из его частей направлены наружу, поскольку необходимы для управления телом и личностью, а некоторые, условно говоря, внутрь, поскольку в них душа отдыхает...

Тем не менее, именно здесь скрыта тайна управления поведением человека, и здесь находится предмет психологии, которым ей стоило бы себя ограничить. Просто потому, что изучаемая ею душа ограничивает себя этим миром в действительности.

Заключение начал

Предметом психологии может быть только душа и путь к ее познанию. Путем этим является всё, в чем душа проявляет себя. Иными словами, всё, через что можно хоть как-то ее проявлять. В сущности, это лишь тени, которые отбрасывает душа, но утопающий хватается и за соломинку.

Тем не менее, пока нам не доступно прямое созерцание души, мы вынуждены будем считать предметом своей науки то, что Константин Кавелин называл психической средой и что на деле является нашим сознанием, хранящим все те образы, которые мы создаем и накапливаем за жизнь. Всё остальное, вроде работы нервной системы, к предмету психологии не относится, хотя и может быть изучаемо психологом, если он хочет понять, как же передается душевное управление телу.

А передается оно, бесспорно, через нервную систему. А точнее, через целую лестницу или цепочку все утончающихся звеньев, крайними полюсами которой являются плоть и душа, а посередине – биоэлектрическая машина нервной системы и образы сознания.

Однако ни мозг, ни остальная нервная система не могут быть предметом психологии просто потому, что гипотеза о том, что именно проявления их работы и были приняты нашими невежественными предками за душу, несостоятельна.

Это можно доказывать, показывая множественные нестыковки в построенной на этой гипотезе научной теории, и я это делал в предыдущих книгах. Но в этой я просто исхожу из того, что психология – это наука о душе. И это не предмет логического дискурса, как говорится. Это предмет опыта, поскольку и я сам и многие другие люди оказывались вне тела и его нервной системы.

Поскольку это действительность, то будет этому сопротивляться естественнонаучное сообщество или не будет, но настоящее только здесь, а то, что творят от имени научной моды – ложь. Поскольку моя личная цель – познать себя, то мне врать самому себе невыгодно. И поэтому тех, кто хочет идти этим путем дальше, я прошу настроить свое видение не снаружи от тела внутрь, а как бы изнутри, от души наружу, как взгляд на тело, которое твое, то есть тебе данное. Но не ты!

Тогда душевную среду можно ощутить. И ощутить очень явственно. Как пространство, заполненное образами, которое лишь где-то очень далеко соприкасается с телом...

Вот об устройстве этого пространства, или душевной среды, и стоит поговорить особо.

Часть вторая

Устройство мира души

Душевная или психическая среда, сквозь которую душа являет себя для нашего познания, в действительности есть мир, в котором она живет, будучи воплощена. Это значит, что душа, даже воплощенная в тело, не соприкасается с ним напрямую, хотя это и кажется невероятным.

Но это очевидно. Во-первых, плоть, вещество сами по себе не в состоянии удержать душу. Они для нее проницаемы, как туман. Когда находишься вне тела, мир будто бы меняет знаки. Душа оказывается плотной, как обычное тело, а вот то, что было твердым и плотным, становятся проницаемыми, будто они – лишь сон души или плоды ее воображения. Тем не менее, душа как-то держится в теле, и держится крепко, так что выйти из него требует чрезвычайных усилий.

Мазыки говорили, что в тело душа помещается в особой рубашечке, вроде той, в какой рождаются дети. Рубашка эта называлась Волохой. Она похожа на мешочек, вкладывающийся в тело, и находится почти сразу под кожей. Это внутренняя защита или кожа души. Снаружи ее – телесная кожа, которая, в действительности, отнюдь не только телесна. Думаю, что кожу наша наука еще даже не начинала изучать, так мало о ней знают. А поверх кожи находится еще одна защит-

ная оболочка, называвшаяся Сось. Она выходит за пределы кожи примерно на полтора пальца.

Все эти оболочки удерживают душу в теле и передают управление на тель. Их можно было бы расписать подробнее, но это предмет Общей психологии, и пока я лишь кратко рассказываю о том, что собрал во время обучения у мазыков как своего рода этнографическую запись. Для этой книги достаточно лишь того, что душа, если она помещена в тело, должна иметь возможность в нем удерживаться и передавать управление. И как-то это делает. Как и через что – особый разговор, который нельзя вести походя.

Но то, что душа не соприкасается с телом напрямую, видно и тогда, когда пытаешься созерцать душевную среду. Пространство образов разливается во все направления от той точки, которой ты осознаешь себя. Но они нигде не становятся телесными, не сливаются с телом и не ощущаются частью тела. Они как бы сами по себе.

Разум подсказывает: я исполняю эти образы, воплощая заключенные в них требования своим телом. Но как? Этого разум не знает, как не видит и мой внутренний взор. Как-то они исполняются, но это вне пределов душевной среды. Наверное, так оно и есть – исполнение образов происходит уже в следующей среде, которая работает сама и которую вообще не требуется осознавать, чтобы исполнить образы. Как не требуется осознавать работу желудка или кишечника – только помешаешь.

Иными словами, похоже, что исполнение образов осуществляется уже не душевной средой. Ее дело – лишь создавать их, хранить и избирать для исполнения. Все остальное – предмет телесной психологии. То есть науки, которая пытается познать душу в том, как она проявляется сквозь тело. Поскольку я намерен заняться этим исследованием особо, то и исключаю сейчас эти проявления из рассмотрения.

В этой книге моим предметом является лишь душевная среда как мир, в котором живет моя душа, воплотившись в это тело, в это общество и на этой Земле. И я могу сказать, что считаю ее особым органом, неизвестным науке, по-своему настолько вещественным, что мы можем говорить о ее устройстве.

Кавелин называл этот орган Высшей душевной способностью.

Глава 1

Психическая среда Кавелина

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) использует понятие «психическая среда» во второй главе «Задач психологии» (1872), посвященной им предмету психологии. Многим современным психологам его рассуждения кажутся устаревшими, поскольку, как они считают, психология давно уже ушла дальше.

Дальше-то она ушла, вот только сбившись с пути. И сбилась она как раз в то время, когда писал Кавелин. А писал он свои «Задачи психологии» десять лет, как раз все то время, когда шли затеянные Чернышевским и Сеченовым споры о том, кому делать психологию – психологу или физиологу. И победил физиолог. Даже то, что психология сохранилась вроде бы как самостоятельная наука, – иллюзия. В ее шкафу до сих пор хранится скелет Физиолога, почему ни один профессиональный психолог даже сейчас не может считать своим предметом что-то иное, помимо «секрета», выделяемого мозгом. Они могут возмущаться и кричать, что психология самостоятельная наука, но в душе знают, что есть только та психология, которую одобрил и завещал им дедушка Сеченов...

А вот Кавелин спорил с Сеченовым, и спорил еще при жизни, когда это было опасно, потому что за это травили.

Спорил, доказывая, что предмет психологии – не психика, не деятельность нервной системы, а душа.

«По названию, психология есть наука о душе, ее свойствах и проявлениях.

Но душа тесно связана с телом, и разграничить факты психические от материальных чрезвычайно трудно. Оттого в психологии смешиваются разнородные явления, и она колеблется между философией и физиологией, примыкая то к той, то к другой, смотря по эпохе и господствующим воззрениям.

Общее сознание относит к числу физических, материальных предметов и явлений те, которые существуют или совершаются вне нас и подлежат внешним чувствам. Так как человек отличает себя от своего тела, то и оно, со всеми его явлениями, относится к тому же разряду внешних фактов; наоборот, явления и предметы, которые недоступны внешним чувствам, но совершаются или существуют в нашей душе и представляются только нашему сознанию, приписываются душе и считаются внутренними. Духовными.

Таковы наши мысли, убеждения, чувства, страсти, желания, намерения, цели, вообще все наши, доступные одному сознанию, внутренние состояния и движения. Они-то и должны быть исследованы в психологии» (Кавелин, 1872, с.11).

Собственно говоря, наши современники считают Кавелина устаревшим именно потому, что и они тоже относят все

перечисленные вещи к предмету своей науки. Вот только расстань в том, что для них это – часть физиологии высшей нервной деятельности, а для Кавелина – проявления души. Психология Кавелина была именно психологией, вот этого, кажется, до сих пор не понимают. И она была одной из последних психологий в России и мире. Всё, что было позже и до сего часа, – это психофизиологии. То есть совсем другие науки.

И самое главное, Кавелин в «Задачах психологии» действительно построил образ науки о душе, предложив пути ее развития. Я уже говорил это, но повторю еще раз: отрицать Кавелина можно, но тогда придется либо блуждать не там, либо тайком от себя повторять предложенный им путь. Однако предшественников лучше знать. Это достойно и вызывает уважение к стране и народу, которые не забывают своих великих предков.

Главная мысль Кавелина: воплотившись в тело, душа, тем не менее, живет в особой среде, которой окружена и защищена от этого грубого мира. И защита эта удивительна, поскольку, в сущности, является неким качественным скачком между мирами, будто мы одновременно живем и в этом мире, и в мире душ, который душа наша приносит с собой...

«Следовательно, мы имеем непосредственно дело только с предметами и явлениями психического свойства, внутренними, доступными одному сознанию. Душа в действительности гораздо более сосредоточена в себе и отделена от внеш-

него мира, чем мы думаем; она не имеет к окружающему прямого, непосредственного отношения, а сносится с ним через посредство тех впечатлений, которые от него получает, насколько способна их получать, и такими впечатлениями возбуждается к собственной деятельности» (Там же, с.13).

Разрыв этот, граница между мирами настолько качественна, что в действительности человек почти не в состоянии ее осознать. Поэтому он вынужден выбирать себе мировоззрение, подобно выбору политической партии – на веру. До последнего времени правило естественнонаучное или материалистическое мировоззрение, утверждавшее, что нет ни души, ни духовного мира. И люди верили в это. Сейчас происходит перелом, и люди снова начинают верить, что есть бог и душа, но тем самым они отрицают материализм.

Кавелин был одним из немногих людей, способных не верить, а видеть действительность широко. Для него и то и другое – грани одного большого явления. Поэтому он говорит о необходимости положительной науки о душе. То есть науки, изучающей душу и ее мир, но не отбрасывающей и тот мир, в который она воплотилась. Ведь она и приходит, чтобы познать законы вещественного мира.

Но как его познать?

«Мы не знаем внешнего мира помимо впечатлений, которые он производит в нас через внешние наши чувства; но эти впечатления, упорным трудом поколений, очищены от

посторонних примесей и получили ту степень объективности, какая составляет непремненное условие и основание положительного знания.

Кто думает, что мы изучаем и исследуем реальный, внешний мир, каков он сам по себе, тот очень ошибается» (Там же, с.22).

Последнюю мысль удастся понять далеко не многим. И не потому, что она так уж трудна: нет никакого объективного знания, как бы ни кричала о нем естественная наука. Все знания субъективны, потому что они плод осмысления впечатлений, полученных нашими душами. И никакие приборы и приборные методы исследования не могут избежать очищения, производимого с ними той границей, которой душа защищена от мира вещества. Все знания, которыми обладает человечество – принадлежат душам и потому являются психологическими!

Мысль простая и понятная. Прибор, не прибор, но знанием то, что в приборе, без человека не становится. А в человеке оно становится знанием не тогда, когда на него реагирует нервная система или ее рецепторы, а тогда, когда душа осознает это впечатление. Понять это можно.

Вот принять удастся не всем, потому что невыгодно. Но те, кто в состоянии это понять, но не принял, сохраняя видимость благополучия в науке, должны в таком случае принять другую мысль: они имеют право на эту ложь. Просто потому, что это их жизнь, и никому нет дела до того, как они

ею распорядятся. Если они избрали всегда быть на стороне силы и для этого врать всем, как это делала, к примеру, коммунистическая партия, это ни хорошо, ни плохо, это просто жизнь. Их жизнь.

Но действительность такова, что никаких объективных знаний нет, как нет и знаний, которыми обладают тела.

Все знания, которыми владеет человечество, есть знания, которые добыли души, пытаясь научиться познавать этот мир с помощью сложнейшего исследовательского прибора по имени человеческое тело.

И нет никакой цивилизации!

Есть лишь огромный исследовательский эксперимент, который ведут все те же души, воплотившиеся на этой планете...

«Стало быть, положительное изучение так называемых реальных предметов и явлений улетучивается, при ближайшей проверке, в психические действия над психическими фактами.

Обратимся теперь к последним. Мы видели, что они не только совершаются в душе, но принимают также деятельное участие в реальных предметах и явлениях, выражаются в них, приурочиваются к ним, приводят их в тысячи новых сочетаний. Это более или менее заметно на всех созданиях человеческих рук, – этой второй природе, воздвигаемой человеком над той, которая живет помимо его действия и вме-

шательства, а также и на тех изменениях, которым подвергается человеческое тело под влиянием психической жизни.

В обоих случаях мысль, чувства, деятельность человека обнаруживаются и становятся доступными для внешних чувств» (Там же, с.23).

Вторая природа – это культура. Далее Кавелин и будет развивать мысль о том, что познание души должно идти через внешние воплощения или «проявления психической жизни», то есть через культуру.

Но культура есть, и ее нет...

Просто потому, что она не то, что мы о ней думаем. Она – лишь возможность для душ проверить, верно ли они познали этот мир.

Воплотившись в тела животных, мы могли бы жить в этом мире, ничего не меняя. Но мы меняем. Мы создаем себе условия для совсем иной, совсем не земной жизни! Для какой и зачем?

Чтобы лучше жить? Но откуда мы знаем, как жить лучше? Что за мир воплощают наши души? Тот, в котором лучше телам? Вроде бы, верно. Ведь телам нашим нравится, когда тепло, светло, сытно...

Но все мы знаем за собой и то, что с детства, обучившись чему-то, тут же начинаем проверять, освоили ли это. И пробуем, пробуем, пробуем, пока не получится. Вот и улучшение нашей жизни идет через освоение того, как управлять веществом. Мы познаем вещественный мир и делаем из него

вещи... Вещь – это то, что делает жизнь лучше. Почему?

Потому что в ней воплощено знание – о веществе и о том, что такое лучше. Вещь – это вещей образ, несущий в себе память об ином мире, о мире, который нами утерян...

Глава 2

Особенности психической среды

Я много писал о Кавелине и его психологии раньше, поэтому я оставляю его «Задачи психологии» и помяну из них еще только три мысли, которые необходимы для описания устройства мира моей души. Две из них присутствуют вот в этом его высказывании, посвященном наблюдению над собой:

«Без всякого внешнего повода мы иногда припоминаем давно забытое. Это значит, что оно из нашего психического резервуара или хранилища подымается на поверхность и представляется нашему внутреннему зрению» (Кавелин, Задачи психологи, с.29).

Первая мысль Кавелина: что мир души, или сознание, – пространственен. Эта мысль многократно оспаривалась во времена метафизики, что и унаследовала естественнонаучная психофизиология. Тем не менее, с появлением психоанализа стало общим местом, что сознание может иметь содержания, а это невозможно, если не видеть его неким хранилищем, то есть пространством для жизни образов. Пространство для жизни чего-то – и есть мир.

Вторая мысль столь же очевидна: для изучения себя и души мы обладаем неким внутренним зрением. Чуть ниже Кавелин пишет о нем, говоря о том, как наш внутренний мир

воплощается в культуре:

«Таким образом, статуи, картины, ноты, письма, – факты осязательные, реальные, доступные внешним чувствам, – свидетельствуют несомненным образом о том, что сверх деятельности общей с животными, человек имеет еще свою особенную, характеристическую, ему одному исключительно свойственную воспроизводить представления во внешнем образе, приурочивать психические состояния, чувства, мысли, словом, психические факты и события к известным внешним условным знакам, по которым они могут быть узнаны и воспроизведены.

Такая деятельность человека показывает, во-первых, что он одарен каким-то психическим зрением; не имея он способности видеть находящихся или происходящих в нем психических фактов, он не был бы в состоянии выражать их в образе или условном знаке, они вовсе бы для него не существовали и он не имел бы об них ни малейшего понятия.

Что психические факты выражаются в образах и условных знаках, показывает, во-вторых, что психические явления имеют в нашей душе действительное существование и свою точную определенность и объективность» (Там же, с. 34–35).

Мысли Кавелина просты: мы имеем психическое зрение, способное видеть образы, являющиеся по своему содержанию некими знаками, которые мы понимаем. Я хочу отме-

тить, что эта простая мысль, через четверть века выказанная швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром, покорит умы европейских мыслителей и ляжет в основу всего современного языкознания, а во многом и психологии. У Кавелина она прошла незамеченной, поскольку зрение наших интеллектуалов было обращено туда, куда уходит от нас солнце.

Теория знаков меня сейчас ни в малой мере не занимает, а вот то, что все «психические факты», то есть мысли, чувства, воспоминания, – есть образы, я хочу отметить. Также хочу отметить и то, что Кавелин использует здесь выражение «в нашей душе» в совершенно народном смысле, который виден в выражениях, вроде «чужая душа потемки».

Каким-то образом народ расширяет понятие души и на ту среду, что заполнена образами, созданными душой. Говоря: чужая душа потемки, – мы имеем в виду, что в чужие мысли не заглянешь, то, что человек таит, не разглядишь. Тем самым, душой в расширительном смысле оказывается и то хранилище образов, о котором пишет Кавелин. Для народа душа – и само тело, в котором я переживу смерть, и то, что я унесу с собой, умирая. А то, что я унесу свою память и способность думать, подтверждает мой личный опыт выходов из тела.

В том состоянии действительно сохраняется способность воспринимать, ощущать, думать, удивляться, то есть испытывать чувства, вспоминать. Иными словами, хотя наше

«психическое хранилище» и не может быть собственно душой, но оно принадлежит ей и может считаться ее частью. Наверное, внешней.

В этом смысле душа подобна улитке, которую не так-то просто отделить от ее домика, который она всегда носит с собой.

Вот самое общее описание мира души, как его рассмотрел Кавелин. Наблюдения его бесспорны, и я не хотел бы их утратить. Для любого человека, способного на самонаблюдение, они очевидны, поэтому их можно считать началом любой действительной психологии.

При этом, как вы заметили, Кавелин всюду показывает связь образов с вещами внешнего мира. Образы способны воплощаться, точнее, мы способны воплощать свои образы. Это значит, что наши души, при всей их невещественности, все же имеют средства для воздействия на вещественный мир, и это не может быть случайностью борьбы за выживание. Борьба за выживание – лишь частная задача сохранить тело, как важнейшее орудие для выполнения той задачи, ради которой пришла душа.

Глава 3

Душевный мир.

Впечатления и сознание

Описание предмета психологии и входящих в него частей, таких как мысли, чувства, впечатления и состояния, сделанное Кавелиным, верно до очевидности, но и вся остальная психология признавала их частью своего предмета. И так и не стала прикладной. Сказать, что предметом психологии является то, что относится к миру внутреннему – недостаточно, как показала жизнь. Нам придется описать душевный мир подробней и постараться выйти на его устройство.

Думаю, делать это нужно послойно, создавая множество описаний, в соответствии с теми гранями собственной душевной жизни, которые мы осознаем. Душевный мир – слишком большое явление, чтобы можно было рассчитывать создать его полноценную картину одним мазком.

Итак, граница, за которой кончается мир вещей и начинается мир души, – это впечатления, как и писал Кавелин. Тело воспринимает происходящее с помощью органов восприятия. Очень похоже на приборы физиков. Однако все эти восприятия не имеют никакого значения для человека, пока он сам эти значения в них не вложит. Для этого он должен осознать воспринятое. Без осознания впечатления просто

улетучатся из нашего сознания, будто их и не было. Соответственно не будут они оказывать и никакого воздействия ни на действия, ни на поведение человека.

Что такое осознание?

Точнее было бы спросить, что такое сознание? В том значении, что звучит в вопросе: сознаешь ли ты, что происходит? На первый взгляд кажется, что сознание – это нечто вроде понимания. На самом же деле понимание приходит лишь к тому, что создано. Понимание вообще действие разума, а сознание еще доразумно, оно предшествует разуму, потому что готовит для него орудия – а именно образы.

Сознать – это основное действие сознания, которое оно производит с впечатлениями. Впечатления, как это очевидно из самого слова, – это отпечатки, которые оставляет воспринятое в чем-то. Как говорит русский язык, либо в душе, либо в сознании. Здесь опять присутствует то двойственное понимание души, которое я отмечал, рассказывая про Кавелина.

Чужая душа потемки, – говорится в действительности не про душу, а про то хранилище мыслей, которое создает душа. Вот и внешние события производят впечатления на душу, что не значит, что впечатываются они прямо в нее. Это было бы так же невозможно, как уместить всю память в мозге. Восприятие производит впечатление на душу, но впечатываются они в испускаемую душой тонкую среду, которую наш народ называл парой, а мы можем называть сознанием.

Она-то и была той «вощенной дощечкой», или табулой раса, о которой говорят Сократ и Аристотель.

Почему я говорю о паре и сознании, ставя между ними знак равенства?

Так меня учили те, у кого я как этнограф учился народной психологии – мазыки. Но, думаю, это соответствует действительности. Как происходит сознавание воспринятых впечатлений?

Во-первых, они должны во что-то впечататься. К примеру, в некую воспринимающую поверхность души, чтобы она могла обратить на них внимание. Затем они должны от нее отделиться, чтобы душа была способна воспринимать следующие впечатления. Следовательно, эта, условно говоря, «воспринимающая поверхность» должна быть отделима от души и должна постоянно отделяться от нее по мере восприятия и сознавания. Получается, что она больше похожа на некое вещество, изливаемое из себя душой и заполняющее пространство вокруг нее. Как некая очень тонкая, но вещественная среда, вроде газа или пара, что и отразил русский язык.

При этом само впечатление, если следовать за языком, должно как-то продавить тело души – только тогда на нем возможен отпечаток. Но это значит, что одновременно с поверхностью души продавливается и поверхностный слой этого вещества – пары. Но что потом? Изогнутое либо выпрямляется, либо сохраняет след. Сохранение следа стано-

вится памятью, а значит, и знанием. Как оно возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.